

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Любая осмысленная информационная политика, тем более информационная политика государства, не может строиться без максимально полного учета особенностей региона и проживающего в нем населения. И если можно еще поспорить, будет или нет Россия укрепляться регионами ("сильные регионы – сильная Россия»), то для ВГТРК завоевание региональной аудитории, отстаивание ее интересов, ориентация на "неусредненного" по широте и долготе зрителя, должны рассматриваться как стратегическая линия.

Здесь, наверное, следует оговорить ряд терминов. Пользуясь понятием "информационное поле" мы подразумеваем отнюдь не банальный информационный рынок, а сложное социальное явление, имеющее пространственное измерение (как и в физике это поле обладает бесконечным числом степеней свободы), характеризующееся тем, что в каждой его точке постоянно генерируется социально значимая информация, которая в целях сохранения и развития данного социума распространяется по его сегментам с помощью особых естественных или специально созданных механизмов. Введение данного понятия позволяет отойти от фрагментарности, "мозаичности" организации циркулирования информационных потоков, рассматривать эти циркуляции в их единстве и в единстве всех их составляющих. СМИ сегодня являются по существу единственными действенными механизмами распространения информации, наиболее эффективно выполняющие функции информирования общества и общественной коммуникации.

Понятно, что составляющие элементы информационного поля (отдельные люди и людские сообщества) по отношению к СМИ играют двоякую роль, являясь для них одновременно и субъектами и объектами деятельности: в качестве субъектов они генерируют информацию, выступая "нюсмейкерами", в качестве объектов деятельности СМИ – потребляют информацию, выступая как аудитория.

Информационное поле можно структурировать, выделяя для него на основе заданных критериев специфические уровни и сегменты. Сегодня одним из наиболее ходовых критериев структуризации информационного поля признан критерий географический, вернее, экономо–географический, что и определяет распространенность такого понятия как региональное информационное поле.

Северный Кавказ занимает особое, можно даже сказать исключительное место в информационном поле Российской Федерации. От других региональных полей оно отличается прежде всего неравнозначностью северокавказских субъектов Российской Федерации по социально–экономическим, этноконфессиональным и цивилизационным характеристикам, в принципиальной несводимости и неповторимости таких субъектов. Невозможно, например, "замазать" принципиальные различия между русскими Ростовом, Краснодаром, Ставрополем и исламскими Дагестаном, Чечней, Кабардой и др. Невозможно не видеть и принципиальные различия политических режимов, установившихся в том или ином северокавказском субъекте Федерации: от умеренно демократического в Северной Осетии и национал–коммунистического в Краснодаре до авторитарного в Кабардино–Балкарии и шариатского в Чечне. Все это имеет своим следствием то, что объекты этого регионального поля генерируют, выдают в СМИ очень много конфликтной ("взрывоопасной" по отношению к другим объектам) информации, а субъекты воспринимают информацию через многочисленные "тенденциозные" фильтры.

Локальная напряженность северокавказского регионального информационного поля такова, что поток сообщений с Северного Кавказа намного мощнее, чем поток информации о деятельности всех ветвей власти Российской Федерации. Северный Кавказ с его проблемами дает сегодня (по результатам мониторинга) примерно каждый пятый сюжет "Вестей"; другие информационные кластеры к этой цифре даже и не приближаются. Вместе с тем информационный поток на Северный Кавказ ни по количественным ни по качественным показателям пока не соответствует важности данного региона для судеб России. Именно здесь государственным центральным и региональным СМИ предстоит большая работа.

Специфика северокавказского информационного поля вытекает во многом из того, что по мнению специалистов здесь имеет место особо высокая устойчивость социума к воздействию неблагоприятных природных и социальных факторов, которая в гораздо большей степени, чем в других регионах, определяется демографическими факторами – продолжительностью жизни и высокой рождаемостью. Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении здесь самый высокий в Российской Федерации. Даже в наиболее индустриальной Ростовской области он для мужчин примерно на 1,5 года выше, чем в среднем по стране, что может считаться аномально высокой цифрой. Таким образом старшее поколение кавказцев (как у русских, так и жителей автономий) представляет собой весьма важный сегмент зрительской аудитории, их интересы необходимо в полной мере учитывать, может быть даже готовить специальные передачи. При этом следует иметь в виду, что это не "российские" задержанные пенсионеры, а люди, занимающие совсем особое положение в устойчивой социальной системе, сами являющиеся фактором устойчивости, со своим кругом забот и представлений о жизни.

Второй фактор, обуславливающий специфику регионального информационного поля – консерватизм структуры социума практически во всех кавказских субъектах Федерации и хорошо известная стойкость кавказских традиций. Внешним проявлением консерватизма является минимальная активность жизненных миграций в этом регионе. Кавказский центр замкнут – он принимает мало иммигрантов, так как его социум четко структурирован, и ниши, если говорить в терминах социологии, агрессивно охраняются. С другой стороны, Северный Кавказ дает стране сравнительно мало поселенцев. Чаще всего пребывание жителей Северного Кавказа за пределами своего макрорегиона бывает временным. Скопив деньги, они в основной массе возвращаются на родину. Несколько особняком здесь стоят жители кавказских автономий. Появляясь в других регионах России, они способны занимать лишь чрезвычайно узкий спектр социальных ниш, традиционно связанных с легальной (рынок), либо нелегальной ветвями инфраструктуры. При этом кавказская диаспора сохраняет обособленность от основного населения. Ее роль сходна с современной ролью этнических китайцев (хуацяо) во многих районах мира – тоже ограниченное место в легальной и нелегальной ветвях инфраструктуры при ослабленных связях с остальным населением. Таким образом, можно говорить о реализации на Северном Кавказе модели "информационного анклава", когда местные (в очень узком смысле этого слова) новости и сюжеты имеют для зрителей наибольшее значение и наиболее востребованы. Это отчасти подтверждается и тем, что рейтинги вечерних выпусков "Вестей" в Ростове (данных по другим городам Кавказа, к сожалению, не фиксируются) в начале года были несколько ниже общероссийских.

Важным фактором, влияющим на специфику информационного поля Северного Кавказа, является структурированность местного социума, его устойчивая неоднородность. Социум макрорегиона состоит, с одной стороны, из огромного количества сравнительно небольших и консервативных наций, а с другой – из мощной массы "несмешивающегося" славянского населения, которое здесь также может

характеризоваться как достаточно консервативное. Вся система макрорегиона крайне разнообразна за счет этнической, языковой, культурной и хозяйственной пестроты. Тем самым, предельная консервативность по структуре народонаселения компенсируется повышенным разнообразием по другим осям, что делает систему в целом структурно сбалансированной и, следовательно, устойчивой. Для государственного телевидения и радио в этой связи представляется важным обеспечить процесс обмена информацией между элементами социума и тем способствовать укреплению стабильности местной системы.

Из характеристики информационного поля Северного Кавказа нельзя вычленить такой фактор его формирования, как современная приверженность многих территорий к сепаратизму или к претензиям на особое место в федеративных отношениях с Центром. Корни этого явления лежат в "замораживании" родово-общинного уклада в автономиях, рецидивы которого спокойно воспринимаются русским населением. Поэтому сепаратизм до последнего времени не вызывал у этого населения бурной реакции. Быстрый рост инфраструктуры (как легальной, так и нелегальной), свойственный России в условиях возврата к рыночным отношениям, позволил представителям этого центра за счет включения фактора семейственности и клановости, завоевать в ней (инфраструктуре) сильные позиции. Экспансия кавказцев в сфере преступности и на рынках российских городов – неизбежность, так как Кавказ – это один из немногих центров в России, который хорошо приспособлен к криминализированному раннему типу рыночных отношений. Информационная разработка этой темы – вещь очень сложная и деликатная сама по себе. Недопустимо фетишизировать "криминально-торговый менталитет лиц кавказской национальности" или относиться к нему как к явлению природы. Однако и рисовать картины "благочиния" было бы непростительной ошибкой и откровенным попустительством по отношению к набирающему (или уже набравшему?) силу местному криминалитету.

Информационное поле Северного Кавказа в значительной степени определяется традиционной сильной зависимостью некоторых автономий от помощи государства. Современный кризис, сопровождаемый снижением роли государства в экономике, здесь проявился весьма болезненно. Однако, парадоксальным образом, вероятно из-за "близости населения к земле", особенностей природопользования и приспособленности к кризису, который в некоторых автономиях длится уже десятилетия, мы наблюдаем практически полное отсутствие экономической компоненты в индексе социальной напряженности на фоне чрезвычайной бедности значительной части населения. Действительно, этот регион не дает сюжетов о проявлениях социального протеста или о рецидивах массовой безработицы. Но вот что странно: в новостных передачах экономическая жизнь Северного Кавказа практически не освещается. У федерального зрителя невольно возникает вопрос: а есть ли здесь экономика вообще, либо только воровство и работоторговля?

Приходится вновь говорить о том, что особую напряженность ситуации на Северном Кавказе обуславливает изначально спорный характер национально-территориального размежевания народов, проводившегося с нарушением исторических и этнических реалий. На сегодняшний день на Северном Кавказе можно выделить около десяти спорных "территорий", на которые одновременно претендуют два титульных народа. При этом разделенными государственными границами оказались два крупнейших северокавказских народа: осетины и лезгины. Дополнительным фактором напряженности на Северном Кавказе является проблема реабилитации репрессированных народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев), причем особенно остро стоит вопрос территориальной реабилитации. Эта крайне болезненная тема постоянно дает острые информационные поводы, но, наверное, самое правильное – ни в коем случае не подыгрывать той или другой стороне, поскольку это может разрушить остатки стабильности в пока еще "спокойных" районах Северного Кавказа.

Вместе с тем, почему российское телевидение и радио должно уходить от тем и сюжетов, которые хоть как-то помогают преодолеть разобщенность осетин и лезгин, возникшую не по их вине?

Еще одна важная особенность информационного поля Северного Кавказа определяется тем, что политическая борьба здесь все более начинает трансформироваться в борьбу за власть между национальными "авторитетами". По сути, борьба здесь происходит не между сторонниками тех или иных политических убеждений, а между представителями национальных элит. Хотя этот процесс так или иначе свойственен многим российским регионам, на Кавказе он приобрел наиболее откровенные формы и находится на наиболее продвинутой стадии. Для журналистов в этой связи остро встает проблема сохранения баланса объективности и в еще большей степени – неангажированности, отказа от обслуживания интересов тех или иных "национально-политических кланов".

Традиционно информационное поле Северного Кавказа формируется под влиянием того обстоятельства, что его коренное население занято, в основном, в сельском хозяйстве. Именно традиционный, сельский образ жизни коренного населения предопределяет механизм возникновения конфликтов. Абсолютная и относительная перенаселенность Северного Кавказа и одновременно невозможность большей части коренных жителей участвовать в индустриальном производстве, которое к тому же сегодня фактически почти полностью разрушено, порождают крайнюю социальную напряженность. Следует отдавать отчет, что большинство так называемых межнациональных конфликтов на Северном Кавказе произошли из-за пригодных для земледелия территорий. Примеры этого общеизвестны. Выделим только то, что именно с земельным вопросом связан и конфликт горцев с русскими, чьи претензии в ряде районов Северного Кавказа на статус "коренного народа", по крайней мере, (извините за эзопов язык) небезосновательны. Здесь завязан еще один узел северокавказского противостояния – между горцами и казаками. Именно аграрный аспект региональной напряженности должен находиться под пристальным вниманием федеральных СМИ. Мы не должны давать рецептов, как справедливо распределить дефицитную землю на Кавказе, однако проблема эта весьма актуальна для многих регионов мира, она решается там различными способами, в основном с помощью и на деньги центральных правительств. Вот здесь и следует искать точку приложения усилий журналистов.

В информационном поле Северного Кавказа как нигде сильна конфессиональная компонента. Поскольку все коренные народы Северного Кавказа на сегодняшний день считают себя мусульманами (исключения – исповедующие православие осетины и моздокские кабардинцы, а также часть татов, исповедующих иудаизм, и калмыки, являющиеся буддистами-ламаистами), то неудивительно, что по мере нарастания кризиса противоборствующие стороны все чаще начали апеллировать к исламу. Однако влияние ислама в регионе крайне неоднородно. Наблюдается четкая закономерность: религиозность населения нарастает с запада на восток. Так, если значительная часть чеченцев и народов Дагестана (в первую очередь горцев) более-менее постоянно соблюдает каноны ислама, то на западном Кавказе религия в целом воспринимается достаточно формально, поверхностно. Поэтому неудивительно, что активное переплетение религии и политики, рост активности фундаменталистских группировок характерны главным образом для восточных районов Кавказа. Если формирование подлинно исламских государств на территории Чечни и Дагестана можно, по крайней мере, рассматривать как один из гипотетически возможных сценариев развития событий, то на Западном Кавказе в обозримом будущем это нереально даже в теории. Эту особенность информационного поля Кавказа следует в полной мере учитывать, а то, если судить по СМИ, "исламский ажиотаж" становится доминантой освещения жизни региона, а "правильный" ислам скоро будут преподавать по телевизору.

Спецификой информационного поля на Северном Кавказе является то, что государственные СМИ вынуждены работать здесь в условиях пусть и слабого, но тем не менее вполне реального информационного противодействия. Впрочем, газеты уже сообщили, что чеченские лидеры открыто объявили России информационную войну. Не секрет, что в последнее время в Чечне, в прочем равно как и в Баку, Тбилиси, Тегеране, Анкаре и т. д., придается все больше внимания созданию и функционированию информационно–пропагандистского комплекса, способного противодействовать идеологическому влиянию федерального Центра и подготовить благоприятную почву для реализации военно–политических программ чеченского руководства в северокавказском регионе.

К настоящему времени сами чеченские лидеры состояние своей идеологической работы в Чечне по сравнению с периодом первой чеченской кампании оценивают весьма негативно. Это объясняется низким спросом на чеченские газеты со стороны населения, неразвитостью соответствующей полиграфической и иной инфраструктуры. Тиражи проправительственных газет не достигают и 1,5 тыс. экземпляров. Кроме печатных официозов, в республике издается несколько газет, контролируемых различными оппозиционными националистическими и исламистскими силами. Согласно оценкам чеченских наблюдателей, данные издания не пользуются широким спросом, распространяются нерегулярно и с трудом. На территории республики интерес чаще проявляется к российским изданиям. Вместе с тем предпринимаются попытки официальных и неофициальных чеченских структур создавать и развивать находящуюся практически в зачаточном состоянии информационно–пропагандистскую базу как внутри республики, так и за ее пределами.

К настоящему времени на территории ЧРИ до разрушения передающих станций помимо государственного канала телевидения "ТВ–И" функционировала телестудия "Кавказ", находящаяся под влиянием М.Удугова, а также телекомпания ТВ–V.

Активную работу по созданию собственных электронных масс–медиа региональной зоны действия проводят З. Яндарбиев и Ш. Басаев. На последнем съезде так называемого Конгресса народов Ичкерии и Дагестана работа по организации регионального телевидения признана неудовлетворительной и подверглась критике со стороны лидера данной нелегитимной организации Ш. Басаева.

Подготовительная работа по созданию мощного передающего телецентра была начата З.Яндарбиевым более двух лет назад, когда экс–президент получил около 1 млн.долларов от одной из мусульманских государств, заинтересованных в дестабилизации ситуации на Северном Кавказе и развитии в этом регионе идей религиозного экстремизма и регионального сепаратизма. Вместе с тем, достаточно активно участвуют в финансовом обеспечении информационно–пропагандистской деятельности чеченских бандформирований и дагестанские ваххабиты. Так, лидер ваххабитов кизилюртовской зоны Багаудин Мухаммад, создавший на территории ЧРИ неподконтрольный официальному Грозному исламистский ваххабитский анклав, вложил в строительство телецентра в с. Шатой, ориентированного, в том числе, на вещание в приграничных районах Дагестана, 200 тыс. рублей. Пусть сегодня пропагандистские возможности экстремистов невелики, мы не можем сбрасывать со счетов контрпропагандистские аспекты нашей работы.

Какие бы общие выводы мы не делали относительно специфики информационного поля Северного Кавказа, это не отменяет необходимости реагировать на текущие события, пытаться прогнозировать информационное меню хотя бы на ближайшую перспективу. Основные темы северокавказского информационного поля на обозримый период включают в себя продовольственную и бензиновую ситуации, предвыборное

дерби, вопросы сельскохозяйственного машиностроения, место казаков в региональной военно–политической ситуации, отношения региональных субъектов Федерации с Центром и др.

И все же информационную ситуацию на Северном Кавказе в предстоящий период во многом будут определять события вокруг Чечни. Так называемое мировое сообщество уже сделало свой выбор в пользу оказания давления на Россию с целью прекращения боевых действий на чеченской территории и "примирения" в пользу боевиков. Конечно, Россия слаба и сильно зависит от Запада, то такой сценарий для нее абсолютно неприемлем. Таким образом, международный аспект развязки северокавказского узла в ближайшее время займет важный сегмент регионального информационного поля. Следует ожидать приезда сюда массы ньюсмейкеров – представителей международных организаций и официальных представителей иностранных государств. Можно предположить, что наибольшую активность в этом вопросе будут проявлять "миротворцы" из ФРГ.

Вторая важная тема – чеченские беженцы. Она имеет долгосрочный и непростой характер. Следует ли рассматривать беженцев из Чечни как этническое оружие Басаева? В свое время 100 тыс. беженцев из Карабаха взорвали семимиллионный Азербайджан. Что будет с Ингушетией (население 330 тыс. чел.), принявшей такое же количество беженцев? Что в этой ситуации будет с Пригородным районом и вообще с Осетией?

В ближайшее время следует ожидать увеличение числа информационных поводов, связанных с попытками произвести перекройку карты Кавказа. В Карачаево–Черкессии и Дагестане это уже началось, а в других регионах уже создана для этого соответствующая инфраструктура (идеологические центры, националистические, общественные и полувоензированные организации, налажены связи с зарубежными спонсорами). Тема эта будет "разогреваться" разговорами о том, что "будет после чеченской кампании". Первый громкий аккорд в этой партитуре уже прозвучал. В конфиденциальном письме президента Чечни А. Масхадова к руководителям соседних с Чечней республик заявлено: "Русские не всегда будут на Кавказе и не надо рассчитывать на их помощь. А нам еще предстоит здесь жить вместе".

Так что же в этих условиях имеет принципиальную важность для работы ВГТРК и региональных ГТРК. Прежде всего нельзя вырывать Северокавказский регион из общероссийского информационного контекста. Условно–негативная информация об экономических, социальных, политических проблемах должна характеризовать этот регион в такой же степени, как и другие регионы страны. То же самое относится и к условно–позитивной информации. Где она? Сегодня информация с Северного Кавказа имеет тенденцию к нагнетанию алармистских настроений и формирует резко отрицательный образ его обитателей.

Сложным, но необходимым аспектом формирования информационной политики в отношении Кавказа является всесторонняя и активная поддержка мероприятий Москвы (или даже инициирование таких мероприятий) по наведению элементарного порядка. Подобные действия, как представляется, найдут положительный отклик как в российском обществе в целом, так и среди населения Северокавказского региона. Информация об акциях, призванных покончить с крупными нарушениями законности, коррупцией, злоупотреблениями даже среди "первых лиц" региональной элиты, должна стать приоритетной. Актуальным становится вопрос об истинной роли местных силовых и правоохранительных структур, о степени их управляемости из федерального Центра. Назрела также "информационная война" против незаконных вооруженных формирований в Ингушетии, Северной Осетии, Дагестане, Ставропольском крае и пр., направленная на их роспуск. Положительные пропагандистские результаты можно

получить в результате целенаправленной кампании по дискредитации действительно экстремистских организаций и их лидеров, демонстративно широкого освещения шагов спецслужб, направленных на подавление известных всему Кавказу террористических и преступных организаций.

На Кавказе говорят: "Если побежишь на запах шашлыка, можешь оказаться в месте, где клеймят ослов". Так и для государственных СМИ важно не поддаваться соблазну простых решений, тщательно выверять свои позиции и постоянно иметь в виду, что без Северного Кавказа Россия рискует превратиться в северное государство, загнанное в приполярный тупик.

**Игорь НИКОЛАЙЧУК,
начальник отдела анализа и перспективного планирования
Управления координации информации ВГТРК**